

Е. В. Яблонский

Эпизоды из жизни Сергея Всеволодовича Яблонского

Детство, юность. Предвоенные годы.

Вся жизнь Сергея Всеволодовича Яблонского прошла в Москве. Родители: отец — Всеволод Сергеевич — и мать — Анна Александровна — появились в Москве незадолго до его рождения. Отец в это время учился в Московском Государственном университете на механико-математическом факультете. Маленького Сережу принесли в декабре 1924 года из роддома им. Грауэрмана в комнату в большой коммунальной квартире в Шереметьевских домах на ул. Грановского, прямо позади здания механико-математического факультета МГУ на Моховой. Может быть, это уже был знак? Стать впоследствии математиком у него были предпосылки и на генном уровне. Отец, окончив МГУ, специализировался в области гидравлики и какое-то время работал под руководством известного академика Лейбензона. Однокашниками по МГУ у В. С. Яблонского были известные впоследствии ученые М. В. Келдыш, И. А. Остославский, Н. С. Аржанников и др. В прикладной области он связал свою деятельность с вопросами трубопроводной транспортировки нефтепродуктов. Длительное время, будучи профессором Московского нефтяного института, он возглавлял кафедру транспорта и хранения нефти.

Мама тоже имела отношение к математике на ее первой ступени — она преподавала математику в начальной и средней школе.

Точно определить момент, когда у Сережи состоялся старт в математике, затрудняюсь. Существует шутивная версия, что резкий крен в математику произошел у Сергея после того, как он в возрасте 11–12 лет, поскользнувшись в бане, упал и получил сотрясение мозга. Ясно одно — он был, безусловно, человеком с так называемым «естественным» складом ума. Его, как мне кажется, мало интересовали гуманитарные науки (литература, история, языки и пр.). Будучи подростком, из книг он предпочитал литературу таких авторов, как Жюль Верн, Герберт Уэллс и пр. Его влекли вопросы астрономии, космогонии, географии... У нас в детской комнате всегда висели географические карты полушарий, Советского Союза.

Жили мы скромно, у Сережи почти не было покупных игрушек, не было ни велосипеда, ни коньков, ни лыж в современном их представлении. Были, конечно, какие-то коньки и лыжи, прилаживаемые на валенки.

На ул. Грановского мы прожили до 1935 года. Мы занимали комнату в шестикомнатной квартире напротив квартиры Тимирязевых. В квартире было много детей, Сережа был старшим и руководил остальными. Любимой игрой было строить «Наутилус». Все тащили разные предметы мебели, и в коридорчике под Сережиным руководством возводилось сооружение до потолка. Сережа, конечно, — капитан Немо. Гасился свет, и карманный фонарик изображал «яркий луч света». Между прочим, среди детей был и будущий академик АН СССР Олег Тимофеевич Богомолов.

Из игрушек Сережа предпочитал всякие строители и конструкторы, из которых он возводил разные сооружения. В общем, он был по натуре «созидатель».

Летом мы уезжали отдыхать с мамой, как правило, к бабушке в Горький, где у нее была часть дома и дворового участка, либо устраивались где-нибудь на средней Волге или на Украине. Вот тут у Сережи снова проявлялись творческие наклонности: он любил строить «дом» и был страшно счастлив, когда работа завершалась. Любил он также и общаться с природой в небольших походах, на лодке, на рыбалке (хотя сам рыбу не ел ни при каких обстоятельствах).

Сережа с детства был очень аккуратен, даже, может быть, педантичен. Я всегда завидовал ему и старался подражать порядку, в котором находились в ящиках его стола ценные для ребенка предметы, книжки и разные безделушки. Всё укладывалось иногда в несколько слоев, но исключительно в постоянном порядке. Он мог с закрытыми глазами достать нужную ему вещь, хотя для постороннего особой системы в расположении содержимого не существовало.

Учился в школе, и особенно в старших классах, Сергей неплохо, но и в отличниках не числился. Известно, что детский характер очень сильно формируется окружением, и в том числе яркими личностями. Мне кажется, что очень важным в становлении Сергея как математика было влияние учителя математики 545-ой школы Исаака Львовича Аграновича. Мне легко это предполагать, так как я сам спустя пять лет попал в его руки. Это был, безусловно, очень одаренный и нестандартный педагог, из рук которого невозможно было выйти, не зная, как минимум, школьного курса. Исаак Львович, или как мы все (много поколений) беззлобно называли его «Исак», приняв класс, очень быстро разобрался в составе и делил его на три части. Первая — это те, кто знал, любил и понимал математику; этих он проверял лишь изредка, чтобы не было пусто в журнале, их он отсаживал на задние парты. Кстати, их оказывалось не так много — 4–5 человек на класс. Вторые — это основная масса; они пересаживались на передние парты и проверялись систематически посредством письменных контрольных задач прямо на местах. И, наконец, третья — «великие математики». Эти сразу, каждый урок, не дожидаясь приглашения, шли к доске, делили ее на части и в течение всего урока шла борьба мела и тряпки. В конце концов, даже эти «великие математики» с грехом пополам курс знали.

Вот этот «Исак», наверное, был первым, кто увидел Сережины математический талант и призвание. Думаю, что не без его руководства Сергей стал постоянным участником математических олимпиад, проводимых в МГУ. Сейчас никого не удивишь олимпиадами, конкурсами и разного рода викторинами, а тогда, перед войной, математическая олимпиада МГУ была уникальным явлением. В ней участвовали наиболее одаренные школьники Москвы. Сергей был среди них и не раз завоевывал первые места.

Второй важной удачей явилось то, что через улицу, метрах в пятистах от школы, жила семья Алексея Андреевича Ляпунова. Алексей Андреевич имел по тем временам большую многодетную семью, любил детей и уделял их воспитанию много внимания. Он был человеком разносторонних интересов, жизнелюбивым и энергичным, и тогда еще довольно молодым. Кроме математики, его интересовали проблемы биологии и, мягко говоря, не модной в те времена генетики. Алексей Андреевич организовал в 545-й школе кружок, где он впервые увидел и понял Сергея. Сережа очень сблизился с Алексеем Андреевичем и стал своим человеком в его доме. Алексей Андреевич сыграл большую роль в формировании Сергея как ученого и как политически зрелого и

целеустремленного человека. Думаю, что впоследствии существовало и обратное влияние Сергея на Алексея Андреевича.

Еще одним значительным человеком в формировании характера и мировоззрения Сергея стал Иван Александрович Дубасов. Иван Александрович был художником-графиком, главным художником Гознака. Из-под его рук рождались прототипы всех советских (да и не только советских) денежных знаков, многие почтовые марки. Иван Александрович был автором Герба Советского Союза.

Сережа унаследовал от отца увлечение филателией и был обладателем большой коллекции марок. С Иваном Александровичем познакомил Сережу его сын Шура Дубасов, с которым Сергей дружил со школьной скамьи до конца жизни. Сергей часто бывал в семье Дубасовых и засиживался у них до глубокой ночи в беседах с Иваном Александровичем. Беседы начинались с марок и заканчивались глубинными философскими проблемами. Иван Александрович относился к Сергею, по сути еще мальчику, с большим уважением. Впоследствии, всю войну, Сергей переписывался с Иваном Александровичем.

Какие же увлечения были у «предвоенного» Сережи? Уже говорилось, что он собирал марки. Было время, когда он увлекался шахматами. Между прочим, в нашей 545-й школе учился будущий гроссмейстер Василий Смыслов. В шахматах Сергей также добился успеха и имел категорию, но быстро понял, что это занятие отнимает много времени, и как-то резко его прервал.

Чем же еще он интересовался? Спортом? Нет. Литературой? Нет. Вечеринками с танцами? Нет. Согласно школьной характеристике, «в хулиганских действиях замечен не был». Кстати, Сергей никогда не курил, а к спиртному относился разумно: все хорошо в свое время и в меру. Какие же еще были у него увлечения? Политика? Отчасти. 1936 год — все советские ребята носят «испанки» — идет война в Испании. На стене висит карта Испании и желто-красными полосатыми флагами отмечается расположение республиканцев.

Когда грянула Отечественная война, на стене также появилась карта западной части СССР, в которую вбивались патефонные иголки, и красный шнурок с гирькой на конце, перекинутый через иголки, отмечал текущее положение линии фронта.

Делались попытки приобщить его к музыке. Какое-то время у нас в семье жила мамина сестра Валя, учившаяся в Гнесинском училище. Она попыталась учить Сережу игре на пианино, но с его стороны было большое сопротивление, и успеха не получилось. Только уже в зрелом возрасте Сергей проявил интерес к классической симфонической музыке.

В школе Сережа сблизился с рядом одноклассников со схожим образом мышления. Они организовали общество с громким названием «Общество глубокомысленных наук» (ОГНау). Его члены собирались в школе и по домам, делали доклады, обсуждали разные научные проблемы и даже выпустили сатирический журнал «Стрекозел». Заметьте, что шел 40-ой год. Разразился скандал, но, к счастью, до политического расследования дело не дошло — нашлись, видимо, разумные люди. Организатором ОГНау был Вячеслав Ястребов. Хочется перечислить фамилии некоторых членов общества, это: Васильев Ростислав, Гольдбаум Лев, Каинов, Капитонов, Смирнов Юрий,

Питерский Валентин, Щеголевский Мирон, Яблонский Сергей, Ястребов Вячеслав. Забегая вперед, скажу, что многие из вернувшихся с войны членов ОГНау пришли в советскую науку и достигли значительных успехов.

Итак, приближалась война, уже прошли польская кампания, война с Финляндией... Сергей принял решение форсировать учебу в школе. За один 1940–41-й учебный год он экстерном закончил девятый и десятый классы и в июне 1941 года закончил школу.

Война.

Война совпала с окончанием школы. Сергей в это время был в Москве один. Он сдает экзамены и поступает на механико-математический факультет МГУ. Но учеба в МГУ начинается с дежурств на куполе здания университета. Москву бомбят, засыпают сотнями «зажигалок», днем нужно рыть окопы и противотанковые рвы. Сергей уходит рано утром, и, грязный и мокрый, приходит вечером. Рюк у Воронцовского дворца — это уже Москва и даже не ее окраина. И все же какие-то занятия и лекции идут. А нужно еще и поесть, нужна «рабочая карточка», и Сергей устраивается на почту разносчиком телеграмм. Кстати, эту эстафету у него потом приняла мама, и мальчишки кричали ей вдогонку: «Арифметика стала почтой».

На мой взгляд, главными составляющими успеха являются: природный ум, талант, трудолюбие, везение и здоровье.

Первыми тремя качествами Сергей был щедро наделен. Со здоровьем, к сожалению, было хуже. Что касается везения, то, по большому счету, Сергею везло. Недаром говорят: «Везет тому, у кого две макушки».

В августе 1942 года его снимают с учебы и призывают в Красную Армию, а через месяц выходит постановление Правительства о бронировании студентов второго курса, но уже... «поезд ушел». Казалось бы, не повезло. В частном — да, а в целом — нет.

Вначале его направляют в пулеметно-минометную школу в Ярославль, но тамошнему командиру он «не показался», и его возвращают в Москву. Здесь его перенаправляют в школу связистов в Перловку (г. Мытищи), где он до весны 1943 года тренируется в морзянке — вот первое «повезло». Ранней весной 1943 года его отправляют на Северо-Западный фронт в район Великих Лук, (теперь мы уже все знаем, что лето готовило нам испытание на Курской дуге), и их часть спешно перебазируют в район Белгорода.

С этого момента для него начинается Война. Сергей воевал в танковых частях 4-го Украинского фронта. Он был ротным радистом, и его рабочее место располагалось на броне одного из танков, и, как он считал, это было хорошо, так как, когда танк подбивали, ему не нужно было из него выбираться, достаточно было лишь спрыгнуть (опять «повезло»). Однако, в самом начале, на Курской дуге, произошло событие, чуть не ставшее трагическим. Осколком или пулей была повреждена рация, и Сергей не смог обеспечить связь. Не разобравшись, вынесли приговор — «расстрелять», и его повели к месту «приведения в исполнение». К счастью, проезжавший на «эмке» командир увидел конвой,

ведший Сергея, и, разобравшись в деле, отменил приговор. Вот уж это — очень большое «повезло»!

Был и второй случай, когда смерть прошла в сантиметрах: опять-таки осколком или пулей был разорван лежавший рядом с ним вещмешок, а его не задело (опять «повезло»). И везло всю войну: он ни разу не был ранен. Боевой путь его танковой армии проходил по северной части Украины, югу Польши и закончился в Чехословакии. Периодически мы получали от него фронтовые треугольники со штампом «Проверено военной цензурой», но Сергей всегда умел намекнуть на какие-то наши довоенные события или литературу, и мы, таким образом, почти точно отслеживали его боевой путь. После Победы Сергей довольно скоро вернулся домой. Пришел совсем другой, взрослый человек, понюхавший пороха и видевший смерть, но с ощущением своего прямого вклада в великую Победу. Смерть дважды прошла в сантиметрах. ПОВЕЗЛО!!!

После войны и вся оставшаяся жизнь.

Придя с войны, Сергей возвращается в университет. Перерыв — три года, наполненных форс-мажорными событиями. «Я все забыл», и Сергей принимает решение начать снова с первого курса. Его учеба в МГУ и последующая научная деятельность описаны достаточно подробно и профессионально, и мне тут трудно что-либо добавить. Возвращаются с фронта школьные друзья, но, увы, не все. 1923-му и 1924-му годам рождения, как известно, был нанесен самый большой ущерб.

Сергей делает попытку продолжить деятельность ОГНау. Несколько раз у нас на квартире собирались три–четыре человека, делались научно-технические сообщения, проводились обсуждения. В общем, возрождения ОГНау не получилось. Все повзрослели, поступили в разные ВУЗы, начали создавать семьи, интересы стали расходиться, но дружеские отношения продолжались. Друзья многие годы встречались, проводили вместе отпуска, отмечали разные даты.

И все же ОГНау для Сергея не прошло даром. В каком-то новом виде идея проросла в различных научных семинарах и «кафедрах», которые часто происходили не на казенной территории, а у него дома или на даче в неформальной обстановке.

Все мы, выросшие в советское время, и Сережа в том числе, были пионерами, но комсомольцем Сергей не был никогда. Не думаю, что у него были какие-то серьезные идеологические несогласия. Скорее всего, в этот возрастной период он уже был достаточно целеустремлен в математику, и общественная работа ему бы в этом мешала.

Война, по-видимому, что-то в нем перевернула, и уже после нее он вступил в коммунистическую партию. С возрастом его политическое сознание крепло. Некоторое время Сергей даже был секретарем парткома Института прикладной математики АН СССР. Сергей Всеволодович не принял «перестройку» и последующие «рыночные реформы» и остался до конца верным коммунистическим идеалам.

Из повествования может сложиться впечатление, что Сергей состоял лишь из одних плюсов. Их было подавляющее большинство, но были, конечно, и минусы.

Он иногда был вспыльчив, резок и мог «наломать дров», был упрям и зачастую очень нетерпим к иной точке зрения. Но, в целом, я очень горжусь своим братом, и очень тяжело воспринял его утрату.

(Текст приводится по книге:

История информатики в России: ученые и их школы / Редакторы-составители: В. Н. Захаров, Р. И. Подловченко, Я. И. Фет. - Москва: Наука, 2003. - 486 с.)